

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / RUSSIAN
LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.57.18>

МИФОЛОГЕМА ПУСТЫНИ В КИММЕРИЙСКОМ ТЕКСТЕ М. А. ВОЛОШИНА

Научная статья

Иванова Н.П.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0001-8330-2669;

¹Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (n-p-ivanova[at]yandex.ru)

Аннотация

Статья посвящена актуальной для современного литературоведения проблеме выделения и классификации сверхтекстовых единств. С опорой на работы В. Н. Топорова и О. В. Шалыгиной ключевым критерием формирования топического сверхтекста названа сакральность местности, которой он посвящен. В связи с этим последовательная реализация в сборниках М. А. Волошина «Киммерийские сумерки» и «Киммерийская весна» мифологемы пустыни, восходящей к библейским мотивам странничества, испытания крепости веры и духа, позволяет сделать вывод о существовании в русской поэзии XX века Киммерийского текста. Целью статьи является анализ форм экспликации указанной мифологемы, который позволяет сделать вывод о специфике мировоззренческих позиций и творческих установок поэта.

Ключевые слова: сверхтекст, топический сверхтекст, сакральность, мифологема пустыни, М. А. Волошин, Киммерия.

DESERT MYTHOLOGEM IN THE CIMMERIAN TEXT BY M. A. VOLOSHIN

Research article

Ivanova N.P.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0001-8330-2669;

¹Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation

* Corresponding author (n-p-ivanova[at]yandex.ru)

Abstract

The article is dedicated to the problem of identification and classification of supratextual unities, which is relevant for modern literary studies. Based on the works of V. N. Toporov and O. V. Shalygina, the key criterion for the formation of a topical supertext is the sacredness of the locality to which it is dedicated. In this regard, the consistent implementation in M. A. Voloshin's collections "Cimmerian Twilight" and "Cimmerian Spring" of the mythologem of the desert, which goes back to the biblical motifs of wandering, testing the strength of faith and spirit, allows to draw a conclusion about the existence of the Cimmerian text in the Russian poetry of the XX century. The aim of the article is to analyse the forms of explication of this mythologem, which allows to conclude about the specificity of the poet's worldview positions and creative attitudes.

Keywords: supertext, topical supertext, sacredness, desert mythologem, M. A. Voloshin, Cimmeria.

Введение

Проблема определения свехтекста и осмысления его типологических, структурных и функциональных особенностей остается актуальной для современного литературоведения. Ей посвящены работы исследователей, в числе которых Н. А. Купина [6], С. О. Курьянов [7], В. В. Курьянова [8], А. Г. Лошаков [9], Н. Е. Меднис [10], В. Н. Топоров [14]. Для данной статьи базовым является определение, сформулированное С. О. Курьяновым: «...сверхтекст – это система интегрированных текстов, которая характеризуется отчетливо выраженной единой модальной установкой (ассоциативно-смысловой или авторской) и тождественно воспринимается авторским и читательским сознанием либо благодаря единому культурному коду (ассоциативно-смысловой свехтекст), либо авторскому замыслу (текстовое единство)» [11, С. 8].

Дискуссионной остается также проблема типологии свехтекстовых единств. Так, А. Г. Лошаков [9] выделяет событийные, локальные и именные свехтексты, а С. О. Курьянов [7] дополняет и конкретизирует эту классификацию, объединяя указанные наименования в разряд ассоциативно-смысловых, называя пространственные свехтексты топическими и разделяя их на локальные (строющиеся на основе константных мифологизированных представлений о конкретном месте, имеющем четкие границы) и региональные (формирующиеся на основе представлений о регионе, имеющем условные границы и нередко строящиеся на основе совокупности локальных текстов) [11, С. 17–18].

Методы и принципы исследования

В связи с вышеизложенным возникает проблема выделения такого рода свехтекстовых единств, обусловленная наличием огромного количества населенных пунктов и регионов, названия которых потенциально могут дать названия свехтексту, однако этот потенциал может быть реализован далеко не всегда, если он определяется исключительно «климатическими, топографическими, пейзажно-ландшафтными, этнографически-бытовыми и культурными характеристиками» [14, С. 26], на что указывает В. Н. Топоров, исследовавший Петербургский текст, но отказавший в существовании Московскому. Опираясь на мнение ученого, О. В. Шалыгина утверждает, что «в основе выделения

локального текста лежит принцип сакральности, выделение более глубоких, сверхэмпирических сущностей» [15, С. 202]. Исследователь употребляет термин «локальный», используя классификацию А. Г. Лошакова [9] и имея в виду пространственный свертхтекст. Если же разделять, как было указано выше, локальные и региональные текстовые образования, представляется возможным выделение не Коктебельского, а именно Киммерийского текста ввиду восходящей к античности сакрализации восточного Крыма и Керченского полуострова.

Основные результаты

Начало формированию Киммерийского текста в творчестве русских поэтов XX века, как известно, положил М. А. Волошин, актуализировавший и развивший в своем творчестве мифологизированные константные представления (термин С. О. Курьянова), связанные с этим «краем Ойкумены». При этом отголоски античного мировосприятия нашли отражение в волошинском пантеизме, на который указывали, в частности, В. Б. Жарких [3], С. М. Заяц [4], [5], Е. Б. Смагина [13] и который определил характер отношения поэта к Киммерии: «*Припаду я к острым щелям, к серым срываю размытых гор, / Причащусь я горькой соли задыхающей волны...*» («Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...») [1, Т. 1, С. 89].

Вторичная сакрализация этого края и восприятие его как некоего предела странствий привели к тому, что в процессе индивидуально-авторского мифотворчества реализуется мифологема пустыни. Это происходит не потому, что для этой местности характерна, согласно первым впечатлениям самого М. А. Волошина, «скудость и скудость природы и красок» [1, Т. 7, С. 281], а ввиду восприятия этого края как места отшельничества, по В. И. Далю, «одинокого богомольца, уклонившегося от сует» [2, Т. 3, С. 542], так как «поэт ощущал себя вестником античного и христианского мира» [5, С. 12]. Это закономерно, так как указанная мифологема восходит к библейским мотивам странничества, испытания крепости веры и духа.

Сборник М. А. Волошина «Киммерийские сумерки» открывается стихотворением «Польнь» и строкой «*Костер мой догорал на берегу пустыни*», указывающей на приближение к месту уединения, отказ от привычных устоев, погружение в новое состояние, когда жизненные ориентиры еще не определены. Однако пустыня по-прежнему воспринимается как некое духовное пристанище: «*О, мать-невольница! На грудь твоей пустыни / Склоняюсь я в полночной тишине... / И горький дым костра, и горький дух польни, / И горечь волн – останутся во мне*» [1, Т. 1, С. 88].

Мифологема пустыни в киммерийском тексте М. А. Волошина связана с образом польни. В письме к М. Сабашниковой 22 июля 1905 года поэт пишет: «Польнь – это ведь символ знания. И я всегда страшно любил польнь, её запах, её цвет. Весь Коктебель зарос польнью. Это запах пустыни, горечь познания. Он меня волновал с раннего детства, я, может быть, за него так люблю юг» [1, Т. 11, С. 277]. Следовательно, Киммерия воспринимается как уединенное место получения высшего знания.

При этом появляется убежденность в том, что связь времен неразрывна и понимание настоящего невозможно без постижения уроков прошлого, поэтому к «пустынным пескам» подходит море, которое связывает времена и соединяет берега, где развиваются «древние свитки», символизирующие ход истории. С. М. Заяц справедливо отмечает, что «Киммерия для М. Волошина не просто первоисточник бытия, а свиток истории, где сливается все: история природы, человека, мироздания в целом» [4, С. 1114]. Она возникает как неотвратимая и неизведанная данность, иная реальность: «*Над зыбкой рябью вод встает из глубины / Пустынный кряж земли: хребты скалистых гребней, / Обрывы черные, потоки красных щелей – / Пределы скорбные неизвестной страны*» [1, Т. 1, С. 91].

Связь этих уединенных мест с античностью очевидна: в этой «глухой и древней» земле вместо прибора «звучат пустынные гексаметры волны», а значит, реализуется связь времен: законы мироздания уже были осознаны и озвучены много веков назад, нам остается лишь приблизиться и приобщиться.

Модель мироздания выстраивается как путь от хаоса к космосу, от сумерек к весенней гармонии, что наглядно отражено в названиях волошинских сборников, формирующих Киммерийский текст. Разницу мировосприятия, эксплицированную в «Киммерийских сумерках» и «Киммерийской весне» принято объяснять личными переживаниями поэта, однако можно с большой долей вероятности предположить, что это и результат духовной работы коктебельского пустычника, ведь второй сборник создавался в эпоху гораздо более масштабных потрясений. Так, в первых строках стихотворения 1910 года встречаем образы небесных странников, обретших светлую обитель: «*Облака клубятся в безднах зеленых / Лучезарных пустынь восхода...*» [1, Т. 1, С. 161].

Однако события 1917 года произошли, и в автобиографии М. А. Волошин, с одной стороны, утверждает, что «все волны гражданской войны и смены правительств проходят над моей головой» [1, Т. 7, С. 251], с другой – признается: «Но в 17-ом году я не смог написать ни одного стихотворения: дар речи мне возвращается только после Октября» [1, Т. 7, С. 252]. И в стихотворении «Карадаг», написанном в июне 1918 года, вновь мифологема пустыни реализует мотив уединенного отшельничества. Отсылка к античным странникам вызывает к жизни пантеистическое восприятие потухшего вулкана как стены храма и порождает следующий призыв: «*Направь ладью к ее подножью / Пустынным вечером – один*» [1, Т. 1, С. 168].

«Живые зеркала» водной глади создают иную реальность – зазеркалье, в котором мрамор горных пиков преобразуется в один из ключевых образов античной культуры – скульптуру Ники Самофракийской, символ победы, в том числе и духовной, одержать которую помогает возвращение в Киммерию.

Тогда же создано стихотворение «Как в раковине малой – Океана...», в котором описаны не только механизм внутреннего преображения человека в этом пустынном краю, но и тесная взаимосвязь микрокосма с макрокосмом: «*С тех пор как отроком у молчаливых / Торжественно-пустынных берегов / Очнулся я – душа моя разъялась, / И мысль росла, лепилась и ваялась / По складкам гор, по выгибам холмов*» [1, Т. 1, С. 170].

Характеризуя теософскую и антропософскую составляющие волошинского мировоззрения, И. С. Скоропанова отмечает: «М. Волошин рассматривал творчество как теургию – богосотворчество в осуществлении Проекта Духа и преображении бытия» [12, С. 51]. И сакральность Киммерии обусловлена также взаимосвязью и

взаимопроникновением человеческих эмоций, творческих порывов и реализации высшего замысла, обладающими эффектом синергии и преобразующими сакральное пространство, кстати, включающее в себя образ полыни Коктебеля: «Его полынью хмельна моей тоской, / Мой стих поет в волнах его прилива, / И на скале, замкнувшей зыбь залива, / Судьбой и ветрами изваян профиль мой!» [1, Т. 1, С. 170].

И, наконец, в стихотворении «Пустыня», одном из завершающих произведений цикла «Киммерийская весна», в полной мере реализован связанный с заглавной мифологемой мотив отшельничества и странничества: «И я был сослан в глубь степей, / И я изведаль мир огромный / В дни страннической и бездомной / Пытливой юности моей» [1, Т. 1, С. 172].

Добытым в странствиях и размышлениях итогом мировоззренческих поисков пустынного становится хвала Творцу и образ Неопалимой Купины – важные свидетельства наличия христианских идеологических устоев в миропонимании поэта.

Заключение

Таким образом, реализация мифологемы пустыни в циклах М. А. Волошина «Киммерийские сумерки» и «Киммерийская весна» является одним из свидетельств сакральности местности, которой они посвящены и которая обладает характерными признаками топоса, что дает возможность выделить Киммерийский текст как разновидность топического (регионального) сверхтекста.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Лебединская В.Г., Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.57.18.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Lebedinskaya V.G., Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.57.18.1>

Список литературы / References

1. Волошин М. А. Собрание сочинений / М. А. Волошин. — Москва : Эллис Лак 2000, 2015. — 610 с.
2. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. — 542 с.
3. Жарких В. Б. Сущность творчества в эстетике М. А. Волошина: время как атрибут творческого процесса / В. Б. Жарких. — Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1989. — 123 с.
4. Заяц С. М. «Киммерийская весна» Максимилиана Волошина как этап мифотворчества и житнетворчества поэта / С. М. Заяц // Вестник Башкирского университета. — 2013. — № 4. — С. 1113–1118.
5. Заяц С. М. Мифологические и библейские образы в поэзии Максимилиана Волошина в контексте его духовных исканий / С. М. Заяц. — Москва : МГГУ им. М. А. Шолохова, 2009. — 21 с.
6. Купина Н. А. Сверхтекст и его разновидности / Н. А. Купина // Человек – текст – культура. — Екатеринбург : Институт развития регионального образования, 1994. — С. 215–222.
7. Курьянов С. О. «Тайный ключ русской литературы»: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков / С. О. Курьянов. — М. : ИНФРА-М, 2019. — 308 с.
8. Курьянова В. В. Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого / В. В. Курьянова. — Симферополь : ТНУ им. В. И. Вернадского, 2013. — 241 с.
9. Лошаков А. Г. Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен : монография / А. Г. Лошаков. — Архангельск : Поморский ун-т, 2007. — 344 с.
10. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе / Н. Е. Меднис. — Новосибирск : Издательство Новосибирского государственного педагогического университета, 2003. — 170 с.
11. Сверхтекст: генезис, структура, семантика / под науч. ред. С. О. Курьянов. — М. : Директ-Медиа, 2023. — 224 с.
12. Скоропанова И. С. Философский пейзаж в «Киммерийских» циклах Максимилиана Волошина / И. С. Скоропанова // Веснік БДУ. Сер. 4, Філалогія, журналістыка, педагогіка. — 2009. — № 2. — С. 51–55.
13. Смагина Е. Б. Пути Библии: к трактовке античных и библейских мотивов в творчестве М. А. Волошина / Е. Б. Смагина // Соловьёвские исследования. — 2020. — Вып. 4(64). — С. 177–190.
14. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы / В. Н. Топоров. — СПб. : Искусство-СПб, 2003. — 617 с.
15. Шалыгина О. В. Ландшафтные коннотации солярного мифа в структуре крымского текста (М. Волошин «Киммерийские сумерки») / О. В. Шалыгина // Вестник славянских культур. — 2017. — Т. 46. — С. 201–206.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Voloshin M. A. Sbranie sochinenij [Collected works] / M. A. Voloshin. — Moscow : Ellis Lak 2000, 2015. — 610 p. [in Russian]
2. Dal' V. I. Slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka [Dictionary of the Living Great Russian language] / V. I. Dal'. — Moscow : Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i natsional'nyh slovarej, 1955. — 542 p. [in Russian]

3. Zharkih V. B. Suschnost' tvorчества v estetike M. A. Voloshina: vremja kak atribut tvorcheskogo protsessa [The essence of creativity in the aesthetics of M. A. Voloshin: time as attribute of the creative process] / V. B. Zharkih. — Moscow : MGU im. M. V. Lomonosova, 1989. — 123 p. [in Russian]
4. Zajats S. M. «Kimmerijskaja vesna» Maksimiliana Voloshina kak etap mifotvorчества i zhiznetvorчества poeta ["Cimmerian Spring" by Maximilian Voloshin as a stage of myth-making and life-creation of the poet] / S. M. Zajats // Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of Bashkir University]. — 2013. — № 4. — P. 1113–1118. [in Russian]
5. Zajats S. M. Mifologicheskie i biblejskie obrazy v poezii Maksimiliana Voloshina v kontekste ego duhovnyh iskanij [Mythological and biblical images in the poetry of Maximilian Voloshin in the context of his spiritual quest] / S. M. Zajats. — Moscow : MGGU im. M. A. Sholohova, 2009. — 21 p. [in Russian]
6. Kupina N. A. Sverhtekst i ego raznovidnosti [Supertext and its varieties] / N. A. Kupina // Chelovek – tekst – kul'tura [Man – text – culture]. — Ekaterinburg : Institut razvitiya regional'nogo obrazovanija, 1994. — P. 215–222. [in Russian]
7. Kur'janov S. O. «Tajnyj ključ russoj literatury»: formirovanie i stanovlenie krymskogo teksta v russoj literaturе X–XIX vekov ["The Secret key": the formation and formation of the Crimean text in Russian literature of the X–XIX centuries] / S. O. Kur'janov. — M. : INFRA-M, 2019. — 308 p. [in Russian]
8. Kur'janova V. V. Krymskij tekst v tvorčestve L. N. Tolstogo [The Crimean text in the works of L. N. Tolstoy] / V. V. Kur'janova. — Simferopol' : TNU im. V. I. Vernadskogo, 2013. — 241 p. [in Russian]
9. Loshakov A. G. Sverhtekst kak slovesno-kontseptual'nyj fenomen [Supertext as a verbal and conceptual phenomenon] : monograph / A. G. Loshakov. — Arhangel'sk : Pomorskij un-t, 2007. — 344 p. [in Russian]
10. Mednis N. E. Sverhteksty v russoj literaturе [Supertexts in Russian literature] / N. E. Mednis. — Novosibirsk : Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta, 2003. — 170 p. [in Russian]
11. Sverhtekst: genezis, struktura, semantika [Supertext: genesis, structure, semantics] / edited by S. O. Kuryanov. — M. : Direkt-Media, 2023. — 224 p. [in Russian]
12. Skoropanova I. S. Filosofskij pejzazh v «Kimmerijskih» tsiklah Maksimiliana Voloshina [Philosophical landscape in the "Cimmerian" cycles of Maximilian Voloshin] / I. S. Skoropanova // Vesnik BDU. Ser. 4, Filologija, zhurnalistyka, pedagogika [Bulletin of BSU. Ser. 4, Philology, Journalistic, Pedagogy]. — 2009. — № 2. — P. 51–55. [in Russian]
13. Smagina E. B. Puti Biblii: k traktovke antichnyh i biblejskih motivov v tvorčestve M. A. Voloshina [The Ways of the Bible: towards the interpretation of ancient and biblical motifs in the work of M.A. Voloshin] / E. B. Smagina // Solov'jovskie issledovanija [Solovyov studies]. — 2020. — Iss. 4(64). — P. 177–190. [in Russian]
14. Toporov V. N. Peterburgskij tekst russoj literatury [The Petersburg text of Russian literature] / V. N. Toporov. — Spb. : Iskusstvo-SPB, 2003. — 617 p. [in Russian]
15. Shalygina O. V. Landshaftnye konnotatsii soljarnogo mifa v strukture krymskogo teksta (M. Voloshin «Kimmerijskie sumerki») [Landscape connotations of solar myth in the structure of the Crimean text (M. Voloshin's "Cimmerian Twilight")] / O. V. Shalygina // Vestnik slavjanskikh kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures]. — 2017. — Vol. 46. — P. 201–206. [in Russian]